

ОТРАЖЕНИЕ ГЕРОЯ-КИТАЙЦА В РУССКОЙ КНИГЕ

Чжэн Гуанцзе

Цзянсуский педагогический
университет, г. СюйЧжоу, Китай

REFLECTION OF THE HERO-CHINESE IN THE RUSSIAN BOOK

Zheng Guangjie

Annotation

The article examines the peculiarities of some unusual Chinese heroes, which stand out against the background of the main narrative in Russian contemporary literature. The analysis showed that the Chinese hero allows the Russian writer to apply the "outside view" to events in Russia. For the heroes, Russians, the Chinese are different, incomprehensible, but, as a rule, a positive and sympathetic hero.

Keywords: main character, Chinese, modern Russian literature, USSR, philosophical.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности некоторых необычных героев-китайцев, выделяющихся на фоне основного повествования в русской современной литературе. Анализ показал, что герой-китаец позволяет русскому писателю применить приём "взгляда со стороны" на события в России. Для героев, русских, китаец – иной, непонятный, но, как правило, положительный и симпатичный герой.

Ключевые слова:

Главный герой, китаец, современная русская литература, СССР, философский.

Для современной русской литературы герой-китаец не является чем-то новым. У этого образа значительные традиции отражены в работах: И.А. Бабель "Ходя", А. Белый "Крещёный китаец", С. Торопцев "Возвращение к Великой белизне" и др. Нам представляется важным выяснить, каковы особенности героя-китайца в современной русской литературе, какие грани данного образа здесь представлены, как они трактуются современными российскими авторами.

Сатирический рассказ В. Пелевина "СССР Тайшоу чжуан", построенный в стилистике китайской литературы. Сюжет фантастичен, или, скорее, сказочен: горького китайского пьянчужку Чжана Седьмого увезли в страну СССР, где он зачем-то понадобился Сыну Хлеба: "Сын Хлеба слышал о вас как о благородном и просвещённом муже и хочет пожаловать вам высокую должность" [1]. Здесь Чжан получает фамилию Колбасный, встречается "с трудящимися" и высоким начальством. Повествование сюрреалистично, чего стоит только образ "правителя СССР", присоединённого несколькими шлангами к большому металлическому шкафу: "в шкафу что-то тихонько булькало". Чиновник Чжан ведёт разгульную жизнь: работать ему не надо, можно объедаться и напиваться, а потом дебоширить. И он ещё не самый плохой чиновник: "Чжан иногда выдёргивал из стопки какое-нибудь письмо наугад и помогал – из-за этого о нём шла добрая слава" [Там же]. В конце концов Чжан сам становится Сыном Хлеба – правителем СССР. В его обязанности теперь вхо-

дит сидеть за роялем и наигрывать "Собачий вальс", при этом "он задаёт исходную гармонию, в соответствии с которой строится всё управление страной" [Там же]. "Приключения в СССР", наконец, заканчиваются, и Чжан снова оказывается у себя в амбаре, в Китае. Было ли происходившее с ним сном, грёзой, путешествием в параллельный мир или реальностью, понять в сюрреалистическом мире, созданном В. Пелевиным, невозможно. Герой-китаец в рассказе не существует обособленно, вне контекста: китайской является стилистика повествования, а также философия. Философским посылом рассказ начинается: "Как известно, наша вселенная находится в чайнике некоего Люй Дунбиня, продающего всякую мелочь на базаре в Чаньани" [Там же]; философской сентенцией и заканчивается: "Знатность, богатство и высокий чин, могущество и власть, способные сокрушить государство, в глазах мудрого мужа немногим отличны от муравьиной кучи" [Там же]. Мы видим здесь дзэн-буддистское представление об относительности логики, непознаваемости мира, спящем сознании, важности духовного опыта для постижения истины, необходимости жить в гармонии с природой и с собой.

Зачем писателю понадобилось делать героем своего рассказа китайца – вопрос сложный. Главное в рассказе, как нам кажется, – описать чиновничество и его положение в структуре российского общества, а также изобразить народ, его бессловесность, забитость, готовность подчиняться и верить тому, что говорят "свер-

ху": "Они были работающие и скромные, с пониманием – Чжан мог, например, давить их, сколько хотел, колёсами своего огромного чёрного лимузина, и все, кому случилось быть при этом на улице, отворачивались, зная, что это не их дело, а для них главное – не опоздать на работу" [Там же]. Возможно, для писателя очевидно, что данные наблюдения, сделанные человеком "со стороны", пропущенные сквозь призму дзэн-буддизма, будут более выпуклыми, яркими. Китаец здесь не просто представитель максимально отдалённого от России народа, способный взглянуть на происходящее свежим взглядом; для писателя важна именно иная философия китайца, его способность постигнуть истину, кажущуюся нам невозможной, и принять эту истину.

Роман Захара Прилепина "Обитель" посвящён "лагерной" теме. Главный герой, Артём, оказывается в конце 20-х годов прошлого века узником Соловецкого лагеря особого назначения. Лагерь сводит его с многими людьми, у каждого из которых свой характер, особая судьба. Один из осуждённых – китаец. Для автора важно подчеркнуть многонациональность окружающих героя людей (мы увидим то же самое в "Крутом маршруте" Е. Гинзбург), поэтому первый раз мы встречаем упоминание о китайце в любопытном перечне: "...Терский казак Лажечников, три чеченца, один престарелый поляк, один молодой китаец, детина с Малороссии..."[2]. Этот герой так и будет называться далее – просто китаец, без имени, без фамилии. Ему не нужны другие идентификационные знаки, кроме национальности, он и так очень отличается от других героев, выделяется на их фоне, представляет собой один из типажей в этом перечне человеческих типов. Мы мало что знаем о его чувствах, внешне китаец спокоен, невозмутим, по поведению невозможно догадаться о его чувствах и мыслях. Лишь утром Артём подглядывает, как китаец после команды "Рота, подъём!" "сидел на своём втором ярусе, гладил шею и лицо, словно под руками вновь обретал себя, своё тело и сознание" [Там же], и становится ясно, что китайцу нелегко просыпаться в этом страшном мире и каждое утро вновь понимать, где он находится. Китаец обычно создаёт в романе фон повествования, он рядом, получает задания, выполняет их вместе со всеми: "Нос балана несли Сивцев с китайцем, Артём неотрывно смотрел китайцу в чёрный затылок" [Там же]. При этом автор выделяет его среди других осуждённых: "Работающие остановились – всё, отдых... Один китаец отвернулся, присел и глаза закрыл, как исчез" [Там же]. Это умение быть вместе со всеми и одновременно самому по себе ("Китаец привычно находился где то глубоко внутри себя") характеризуют особое поведение китайца, который словно существует в параллельном мире. Вернее, это он сам – параллельный мир, непонятный, едва видимый окружающим. И интересный, несмотря на страшные обстоятельства, сведшие героев вместе, на свою необычность, китаец не раздражает Артёма, но и желания разобраться в этом

мире получше у героя тоже не возникает. Слишком занят он выживанием в условиях лагеря, чтобы проявлять такой интерес.

Лишь в одном из эпизодов китаец словно выходит из тени и становится более понятным остальным персонажам, более близким. Как ни парадоксально, это эпизод, в котором его бьют. Причина ярости колотящего его "отделённого" (ответственного за отделение) Бурцева называется сразу: "Китаец лежал на своих нарах и не хотел или не мог встать на работу". Именно здесь автором высказывается мысль, очень интересная с точки зрения основной темы романа: "Тём, а вот тебе не кажется странным, – привычно возбуждённый, бубнил Афанасьев, пока рота пыталась построиться, – Китай то чёрт знает где. Там где то ходят китайцы, живут своей муравьиной жизнью, и там есть родня этого нашего... как его зовут?... родня говорит по китайски, ест рис, смотрит на китаяское солнышко..." [Там же]. Это высказывание уважаемого Артёмом Василия Петровича подчёркивает абсурдность основной ситуации, описываемой в романе, – ситуации помещения человека в античеловеческие условия, вырывания его из привычной среды. Образ китайца помогает автору сделать изображаемый абсурд ещё более явным. Все остальные герои тоже страдают от этой перемены условий существования, но для китайца условия изменились настолько значительно, что странным кажется вообще существование Китая, китайцев, каких-то родственников этого заключённого. Кстати, молодой писатель Захар Прилепин показывает свои хорошие знания истории гражданской войны в послереволюционной России. Один из героев рассуждает: "Поначалу, когда случилось с китайцем, я думал, что... Что он китайца так потому, что слишком много было китайцев среди красных войск. Бурцев же из колчаковских – у них особенно много беды было с ними" [Там же]. Тема участия китайцев в гражданской войне уже поднималась М.А. Булгаковым, Вс. Ивановым и другими авторами первой половины XX века.

Несмотря на свою кажущуюся близость, китаец в романе З. Прилепина "Обитель" – довольно важный персонаж в системе образов. Он символизирует неестественность положения героев, неестественность самой ситуации, когда судьбы людей не зависят от них самих, когда кто-то решает, жить ли им и как жить.

Героя-китайца встречаем в романе Дмитрия Бавильского "Сделано в СССР. Роман с китайцем". Описание китайца очень подробно и показывает, что автор хорошо знаком с рядом китайских традиций: "Молодой специалист. В очках. Зовут Аки. Правда, по паспорту у него другое имя, но у них, в Китае, так принято – дома одно имя, в документах другое". Заслуживает внимания и такое качество героя-китайца: "Хорошо русский язык, язык Пушкина и Есенина (Есенин люб особенно, "в ста-

ромодном ветхом шушуне..."] знает"[3]. Кроме того, знакомы китайцу и другие знаки российской культуры (фильмы "Семнадцать мгновений весны" и "А зори здесь тихие", к примеру). С помощью этих деталей писатель словно перебрасывает мостик от одной культуры к другой, устанавливает связь между ними.

Китаец интересен главному герою, Олегу, своей необычностью, выделяющей его на фоне других персонажей: "Любознательный такой. Член коммунистической партии Китая...". Через Аки Олег приобщается к так влекущей его культуре Востока: "Аки – "типичный представитель" своей культуры, самой иерархизированной культуры в мире. За тысячелетия его предки выработали жёсткий канон соответствий ..." [Там же]. Аки одновременно и вырвался из рамок своей культуры, и остался её неизменной частью.

Постепенно становится понятно, чем Аки так привлёк главного героя: "Гагарину нравилось общаться с Аки, посланцем его собственной Внутренней Монголии, раз уж не удалось уехать и целиком погрузиться в чужой мир, то хоть так – брызгами и отсветом чужого багажа" [Там же], то есть Олег, влекомый восточным миром, нашёл в Аки ту экзотику и ту чужую культуру, которой ему не доставало.

Предметом описания автора становится роман, завязавшийся у Аки с русской женщиной. Острота культурных отличий выходит на передний план, когда у героев завязываются любовные отношения: "Но сколько Наталья ни старалась, сознание Аки продолжало напоминать ей чёрный ящик, непонятно, что внутри происходит и что ждать на выходе" [Там же]. Этот мотив непонимания для русского чувств китайца появляется неоднократно: "...Со стороны трудно понять, что восточный человек чувствует" [Там же]. Роман с русской женщиной заканчивается неудачно, да и вообще вся жизнь Аки в России как-то не ладится – ему трудно понять непредсказуемых русских: "Он не мог понять странных русских, интуиция молчала или подсказывала очевидные нелепости, приходилось жить наобум, не подозревая, что может принести завтрашний день" [Там же]. Вырванный из родной культуры (вернее с удовольствием из неё вырвавшийся) Аки не может стать частью русской культуры, ему неуютно в языке, обычаях, привычках русских.

Встречаются герои-китайцы, правда эпизодические, менее важные для сюжета и идеи книги, и в другом произведении о лагерной жизни – книге воспоминаний Евгении Гинзбург "Крутой маршрут": "Улыбающаяся китайка, возраст которой трудно определить, обнимает меня за плечи и называет себя пленом Компартии Китая"[4]. В данном случае для автора тоже важно показать многонациональность сталинского лагеря, подчеркнуть, что репрессиям подверглись представители самых разных наций, в том числе и китайцы. При этом

писательница не упускает случая рассказать читателям что-то интересное о Китае, его истории, взаимоотношениях русского и китайского народов: "По-русски меня зовут Женей, – говорит она, – Женя Коверкова. Училась в Москве, в Университете имени Сун Ятсена. Нам всем там русские фамилии дали" [Там же]. Китайка Женя Коверкова регулярно упоминается в течение книги, и каждый раз её образ выступает символом оптимизма, она "смешливая", она не хочет вписываться в лагерную жизнь и становится бессловесным винтиком этой системы, остаётся живой и жизнелюбивой: "А вот китайка Женя Коверкова показывает "отличные упражнения для ног" сухопарой польке Ванде" [Там же].

Второстепенные персонажи-китайцы в российских книгах не редки. В книге Эдуарда Лимонова "Это я – Эдичка" китаец – один из обслуживающего персонала, он "приятен для глаз" героя: "Хорошие отношения у меня только с японцем, или, может, он китаец, я не очень разбираюсь, но он всегда мне улыбается"[5]. Здесь подчёркивается мысль о том, что русские не различают внешне китайцев и других представителей народов Азии с характерным для них разрезом глаз.

В данном произведении есть ещё один герой-китаец: "Китайский паренёк Вонг, приехавший из Гонконга, был мне особенно симпатичен" [Там же]. Автор описывает мир эмигрантов, пытающихся закрепиться в США, найти своё место в новой для них реальности. Здесь не имеет значения, откуда ты приехал, все равны в начале своего эмигрантского пути. Вонг работает вместе с Эдичкой в отеле, он более опытен и помогает ему. Интересно описание Вонга: "Он был типичный китайский паренек – жил, конечно, в Чайна-тауне, увлекался каратэ – ходил заниматься к мастеру два раза в неделю" [Там же], показывающее, что автор прекрасно владеет набором китайских стереотипов и для него забавно убедиться в их действительности. Герой описывает их с Вонгом невинные мужские развлечения: "...Он со смехом показал мне порнографический журнал с китайками, но он утверждал, что это японки, что китайские женщины порядочные и в таких журналах не снимаются. Я что-то грубо шутил по поводу журнала и китайских женщин. Вонг очень смеялся" [Там же]. Здесь показано ещё одно качество китайца – стремление порядочного человека хоть в шутку, но защитить женщин своей национальности.

Эпизодический образ китайки встречаем в фантастической книге Сергея Лукьяненко "Глубина". В виртуальной реальности преодолевают препятствия вместе с героем "две девушки, симпатичные, нестандартные – одна европейской наружности, вторая – китайка"[6]. Как нам кажется, введение в текст этой героини прости-мулировало желанием автора показать разнообразие типов внешности виртуальных персонажей. Китайка легкомысленна, настроена на простую игру без напря-

жения, долго она в виртуале не выдерживает, хотя и сражается дольше других героев: "Мужскую часть команды убило на месте, от подростка словно бы вообще следов не осталось. Только китаянка ещё жива и вяло тянет руку к кобуре – у неё сохранились какие-то жалкие проценты жизни" [Там же]. Автор словно нарисовал красивую картинку (китаянка символизирует здесь красоту и разнообразие человеческих типов) и тут же стёр её, впрочем, в полном соответствии с изображаемой им такой непрочной виртуальной реальностью.

Таким образом, рассмотрев типы героев-китайцев в русской книге, мы можем заключить, что герой-китаец позволяет русскому писателю применить приём "взгляда со стороны" на события в России. Глазами представителя иной цивилизации лучше можно увидеть нелепость происходящего. Китайцы в русской книге – это необычные герои, которые выделяются на фоне основного повествования. Для остальных героев, русских, китаец – иной, непонятный, но, как правило, положительный и симпатичный герой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелевин В. СССР Тайшоу Чжуань [Электронный ресурс]. Режим доступа: [RL:http://pelevin.nov.ru/rass/pe-cccp/1.html](http://pelevin.nov.ru/rass/pe-cccp/1.html)
2. Прилепин З. Обитель: роман / З. Прилепин. –М.: АСТ, 2014. –746 с.
3. Бавильский Д. Сделано в СССР. Роман с китайцем / Д. Бавильский // Новая юность. 2008. № 1 (82), 2 (83).
4. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут / Е.С. Гинзбург. –М.: АСТ, 2008. –608 с.
5. Лимонов Э. Это я – Эдичка / Э. Лимонов. –М.: Глагол,1991.–336 с.
6. Лукьяненко С. Глубина: сборник/С. Лукьяненко. –М.: АСТ, 2014. – 800 с.

© Чжан Гуанцзе, (ouliya0920@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Цзянсу́нский педагогический университет, г. СюйЧжоу, Китай